

Из истории Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника: 1941–1965 гг.

История СПГИХМЗ в период 1928–1941 гг. опубликована ранее¹. В первые же дни войны приказами директора музея И.З. Птицына были приняты меры по обороне. Из сотрудников созданы звенья – химическое, санитарное, наблюдения и связи, охраны порядка, а также пожарно-восстановительная служба. Звенья возглавляли в основном научные сотрудники. Начались занятия по противовоздушной обороне². Директор обязал руководство многочисленных предприятий и организаций, находившихся на территории музея, принять меры пожарной безопасности³.

В июле и первой половине августа 1941 г. были проведены работы по маскировке Лавры: золотые купола и крыши окрашены масляной краской, а на купол Троицкого собора сшит чехол из ткани⁴. Многие сотрудники были мобилизованы или выделены в распоряжение городского штаба МПВО⁵.

Спешно готовилась эвакуация музейных экспонатов и ценностей первой категории (золота, серебра, тканей). В соответствии с распоряжением Управления по делам искусств при СНК РСФСР музей должен был передать их на временное хранение в ГИМ, что и было сделано 25 июля. В эвакуацию было отправлено 42 ящика, в том числе рака с мощами Сергия Радонежского. В августе ценности были вывезены и 22 октября в сопровождении директора музея благополучно прибыли на барже в г. Соликамск Молотовской (Пермской) области. Их передали на хранение директору филиала Русского музея, являвшемуся хранителем специального груза музеев⁶.

Там ящики периодически вскрывали для выборочного контроля. Обнаружили, что часть предметов повреждена при заколачивании ящиков слишком длинными гвоздями. Других повреждений не было. Для проверки состояния вывезенных вещей из Загорска в ноябре 1942 г. были командированы сотрудницы музея А.М. Курбатова и Н.М. Прасолова. Они обнаружили только небольшое повреждение тканей мышами⁷.

Часть оставшихся в стенах Лавры вещей упаковали и спрятали в тайниках. А часть Комиссия по проверке ценностей сочла возможным в августе 1941 г. списать как не представляющих музейной ценности⁸. В эту группу вошли 206 икон, 191 предмет из тканей, а также евангелия, деревянные кресты и пр. Медные вещи, в том числе из Абрамцевской церкви, сдали в фонд обороны⁹.

Музей считался законсервированным. Тем не менее, уже летом 1942 г. была открыта временная (до возвращения вещей из эвакуации) выставка «История монастыря XIV–XX вв.», восстановлена довоенная экспозиция «Быт высшего духовенства XVIII в.» в Митрополичьих покоях. Открыли также архитектурный отдел, в котором была показана история всех зданий Лавры и работа по их реставрации. С наступлением тепла вновь стали доступны для осмотра Успенский собор и Надкладезная часовня, а также экспозиция Военно-исторического отдела. А в 1943 г. открыли выставку «Вторая Отечественная война и разгром немцев под Москвой»¹⁰.

В 1941–1942 гг. посетителями музея были в основном бойцы и командиры проходивших через город частей Красной армии, а во время учебного года – также школьники. В 1943 г. музей посетили 14,5 тысяч человек¹¹.

Условия жизни и работы сотрудников в этот период были очень тяжелы. Залы не отапливались вовсе. Зарплата была крайне низкой: старший научный сотрудник с высшим образованием получал 375 руб., а охранник – 120 руб. в месяц. Никто не имел рабочих карточек, так что дирекция музея и местком обращались даже к Председателю СНК РСФСР с просьбой выделить дополнительные нормы продуктов для сотрудников музея и работников Стройучастка, проводивших реставрацию. В результате некоторые были прикреплены к столовой и закрытому распределителю.

В самое тяжелое время (по данным на февраль 1942 г.) в музее работали старший научный сотрудник А.М. Курбатова (Попова), зав. отделом учета и хранения Н.М. Прасолова, хранители фондов И.Ф. Казаков и

К.А. Цигловская и научный сотрудник-экскурсовод Е.К. Рабинович (Солнцева), а директором была З.Я. Швагер¹².

После перелома в войне заметно оживилась работа музея. Осенью 1944 г. была открыта выставка тканей XIX в. из собраний Гефсиманского скита, Оптиной пустыни и Троице-Сергиевой лавры. Устроителем выставки был бывший директор музея А.Н. Свирин. Он вместе с В.Н. Шафрановой подготовил текст путеводителя по выставке. При этом для уточнения датировки тканей были использованы литературные источники, в том числе на иностранных языках, модные журналы XIX в. и произведения изобразительного искусства. Сделаны классификация тканей и анализ изменения их орнамента¹³. Вероятно, открытие этой красочной выставки было очень своевременным: людям, измученным годами войны, необходимы были яркие впечатления.

На апрель 1945 г. – к 25-летию юбилею музея – была запланирована научная сессия и выставка, посвященная Андрею Рублеву. По договорам с музеем ряд известных ученых подготовил доклады о творчестве великого художника и мастеров его круга (М.В. Алпатов, И.Э. Грабарь В.Н. Лазарев и др.). Подготовка велась в соответствии с приказом Управления по делам искусств при СНК РСФСР от 13 июня 1944 г. Однако проведение сессии было внезапно отменено. Выставка все же состоялась. И 18 мая 1945 г. ее посетило 250 художников-делегатов X пленума оргкомитета Союза советских художников¹⁴.

Научная работа не прекращалась и во время войны. А.М. Курбатова закончила перевод Вкладной книги монастыря XVII в. и Кормового синодика XVII в., работала также над классификацией записей Вкладной книги, фиксируя на карточки вклады денежные, земельные, лошадьми и пр. (3678 шт.; они не сохранились)¹⁵.

С 1944 г. стало широко практиковаться приглашение на работу специалистов по договорам. О А. Н.Свирине и В.Н. Шафрановой сказано выше. Для описания икон праздничного ряда Троицкого собора была

приглашена Н.А. Демина, описанием экспонатов Митрополичьих покоев занимался Н.Н. Соболев, историей архитектурных памятников – М.А. Ильин и В.П. Зубов¹⁶. Особенно масштабную работу провел Зубов, начавший ее еще в предвоенные годы. Он по многочисленным источникам, в том числе по лаврскому архиву, подробно исследовал историю строительства, переделок, ремонтов и реставраций всех памятников Лавры. Им было обнаружено также несколько неизвестных чертежей. Таким образом, была создана основа для дальнейшего планомерного развертывания реставрационных работ¹⁷.

А реставрационные работы проводились и во время войны. Конечно, с самого ее начала перед Стройучастком встали новые задачи: прежде всего восстановление сводчатых помещений, которые можно было бы использовать для хранения ценностей, и обеспечение статической устойчивости некоторых сооружений. Эта работа проводилась в основном в Больничных палатах и в нижнем ярусе колокольни.

Реставраторы воспользовались и тем, что в связи с эвакуацией освободились многие помещения в крепостных стенах и башнях, прежде занятые жильцами. Там был проведен ряд работ, чтобы обеспечить круговой обход Лавры по стенам и подготовить их к реставрации. Также, благодаря тому, что Педагогический техникум эвакуировался и освободил помещение царских Чертогов, пока их еще не занял госпиталь, удалось провести там обмерные работы.

Были также сделаны некоторые обследования Духовской церкви, Троицкого собора и Никоновского придела, продолжена подготовка проекта реставрации северной части гульбища Трапезной. Профессор П.В. Щусев и инженер Н.А. Бруханский исследовали причины появления трещин в Певческой башне. П.В. Щусев и инженер М.В. Хитровский сделали проект вертикальной планировки территории, необходимый для защиты отреставрированных памятников и хранилищ музея от затекания ливневых вод. Это лишь неполный перечень работ, осуществленных в 1941 г.¹⁸

В сентябре 1941 г. руководитель Стройучастка И.В. Трофимов был мобилизован и основным консультантом стал Н.Д. Виноградов. Он приезжал в Загорск каждую неделю¹⁹. Когда в конце 1943 г. вернулся И.В. Трофимов, Стройучасток имел только 11 рабочих, из них реставраторов всего 2 человека. Трофимову удалось пополнить штат путем отзыва мастеров из армии и колхозов. Кроме того, он привлек в Лавру специалистов из инженерно-саперных частей Красной армии, расположенных в городе, так что к концу 1944 г. в штате Стройучастка было уже 24 рабочих, и в реставрации принимали участие 42 военнослужащих.

Огромные трудности возникали прежде всего из-за того, что на территории музея располагалось множество учреждений и организаций: артель «Красный швейник», комендатура Загорска, военная автоколонна, ФЗО № 43, «Плодоовощ», Торг, хлебопекарни, ПВО, Педтехникум и др. и жили 600 семей (2500 человек).

Приведем большую цитату из документа, составленного Трофимовым: «Всем этим учреждениям и лицам, находящимся внутри прославленных седых стен, нет никакого дела ни до ценностей русского искусства, ни до истории русского народа. В этом отношении они подобны дикарям. На памятник у них взгляд своеобразный: жильцы рассматривают его как скопление различных, в прямом смысле, строительных материалов, способных удовлетворять их личные потребности, притом совершенно бесплатно и безнаказанно. <...> Безнаказанность за захват помещений и всевозможные разрушения объясняются, с одной стороны, полной инертностью администрации музея, с другой, – благосклонностью и поощрением к этому руководителей г. Загорска. Поэтому в этом “странном” заповеднике царят порядки, явно противоположные идее заповедника. Он широко открыт для всех, в нем каждый может сделать все, что ему угодно. Музей, являясь по смыслу хозяином заповедника, не обладает необходимым авторитетом и, видимо, не может или не желает проявить себя в борьбе за целостность и неприкосновенность врученных ему исторических ценностей.

Мало того, иногда деятельность руководителей музея играет в унисон с разрушительной деятельностью населения Лавры. <...>

Ощущая отсутствие хозяина, организации, внедрившиеся в пределы заповедника, чувствуют себя господами положения. Пединститут, водворенный, несмотря на протесты Стройучастка, властью руководителей города в помещение Чертогов, пробивает отверстия дверей и бреши в овеянных временем стенах Чертогов, искажая их художественную сущность. Он же, несмотря на категорическое запрещение со стороны Комитета по делам архитектуры, переделывает церковь в Чертогах под городской театр. Что может сохраниться от памятника архитектуры при таком неестественном приспособлении, и что же за театр получится в результате такого переустройства, учитывая хотя бы только один вопрос: разницу церковной и театральной акустики? ФЗО № 43 захватывает под кладовую дров помещение в восточной стене, предназначенное под столовую для рабочих-реставраторов и, несмотря на предписания прокурора об очищении, нагло отказывается его выполнить, рассчитывая на обычную безнаказанность. “Красный швейник” самовольно приспособливает часть южной крепостной стены под швальню, заделывая кирпичом на глине амбразуры лоджий. Продовольственные организации рыщут по подвалам в поисках удобного места для приспособления под склады картофеля, капусты и т.п. <...> О деятельности военных организаций говорить много не приходится – они делают все, что заблагорассудится.

Даже сами власти г. Загорска используют для утилитарных целей два памятника начала XVI века, исторически связанных с Лаврой и расположенных на подходах к ней, вне ее крепостных стен. Одна из церквей – Введенская – используется как склад муки и зерна. Другая – Пятницкая – приспособлена и оборудована под вальцовую мельницу. Что при такой ситуации могло остаться от древнего интерьера? Как влияет вибрация мукомольных машин на древние фундаменты и стены? Никого эти вопросы не интересуют.

Население жилого сектора около 2500 человек. Взрослое население рассматривает музей как собственность, и ценность его построек определяет лишь с точки зрения наличия в них материалов, пригодных для личных потребностей. Нужда в топливе – одна из них. Исторически-художественное значение деревянных элементов памятников преломляется в представлении аборигенов как чудесное, сухое и совершенно бесплатное топливо. Огромные опустошения произведены в крепостных стенах, башнях, на чердаках, в лоджиях, перекрытиях и пр. Еще совсем недавно – год–два тому назад в этих помещениях существовали окна, двери, полы, перегородки, перекрытия, лестницы и пр. В настоящее время остался лишь камень, и башни смотрят с укором вдаль пустыми обезображенными глазницами. Старатели не только вынимают древесину, не связанную с основными конструктивными элементами, но также и часть несущих конструкций, на которых покоятся шатровые покрытия башен. <...> Даже над теми помещениями, в которых живут разрушители, вырезаются части деревянных стропил, очевидно, в твердой надежде, что стропила будут все же вновь восстановлены музеем. В результате над шестым корпусом деформировалась крыша и грозит падением.

В местах общего пользования, коридорах и уборных из окон вынимаются и бесследно исчезают зимние, а подчас и летние переплеты, двери и пр.

Расхищается с крыш и кровельное железо. Растаскивается также кирпич из стен и заготовок Стройучастка, песок, глина, известь, стекло из переплетов, ограждающих помещения реставрационных мастерских, и пр. Учреждения Загорска тоже доходят до полного цинизма – автомобили приезжают за кирпичом, остающимся от разборки при производстве реставрационных работ, и увозят материал в город, направляют рабочих в яму Стройучастка за известковым тестом, заготовленным для реставрационных работ.

Чудесный парк, существующий в Лавре, умирает. Исчез бесследно яблоневый сад в стенах Лавры, вырубленный жильцами-вредителями на дрова. Постепенно отдирают вокруг ствола кору, и деревья гибнут.

Подрастающее поколение вносит свою лепту. Через выбитые подростками стекла они проникли в Трапезную и изъяли фотографии, сложенные в алтаре после экспозиции. Та же участь постигла имущество эвакуированных, сложенное там же. Был ободран и унесен холст, обтягивающий 19 стендов, установленных для бывшей в апреле 1944 года выставки художников Загорска. (Фото потом продавались по 8 руб. за штуку на рынке.) Кровли памятников, стекла подвергаются бомбардировке камнями. С белокаменных барьеров сначала сдирается кровельное железо в помощь родителям, промышляющим изделиями из оного на рынке, затем разбирается по частям белокаменная плита, покоящаяся на баляснике, а затем и сам балясник. Они не нужны, потому сбрасываются вниз, причем ряд глаз с любопытством следит за их “интересным падением“. <...> Милиция отпускает безо всякого взыскания юных правонарушителей, поощряя их к продолжению вредоносной деятельности.

Еще одна темная сторона существования музея – это чрезвычайное загрязнение не только территории, но и самих памятников заповедника. Все ящики для мусора переполнены и не вычищаются, санузлы разрушены, импровизированные помойки устраиваются на каждом шагу. Помои со всевозможными отбросами льются в ливнеспуски, засоряя их, выбрасываются в лоджии крепостных стен, подвалы, проезды, проходы и на площадки. Вся территория и помещения зданий покрыты экскрементами, при этом не только полы, но даже лестницы, подоконники и прочие пустующие помещения. Эти позорные явления выходят не только за стены “Заповедника”, но даже и за пределы русского общества. <...>

Историко-художественный заповедник в описанных выше условиях существовать не может, так как разрушение идет столь быстрыми темпами, что никакой восстановительный процесс невозможен. Единственным

спасением является немедленное выселение всех чуждых музею учреждений, освобождение жилого сектора от проживающих в нем семейств и восстановление полной правовой независимости заповедника от руководящих органов г. Загорска».

Этот акт, составленный начальником и главным архитектором Стройучастка реставрационно-восстановительных работ И.В. Трофимовым, был подписан также членами Ученого совета – крупными архитекторами и деятелями в области охраны памятников И.В. Жолтовским, И.В. Рыльским, Н.Д. Виноградовым, П.В. Щусевым, Н.Н. Соболевым, архитектором по обмерам Г.Ф. Сенатовым, десятником работ П.М. Даниловым, мастерами А.П. Бугровым, А.М. Бариновым, Ф.И. Герасимовым²⁰.

Сложившееся положение в значительной степени объясняется тяготами военного времени, но его безусловно можно считать и результатом атеистической пропаганды. Вряд ли кому-либо до 1917 г. пришло бы в голову вести себя в Лавре подобным образом.

В 1919 г. А.В. Луначарский на Первой всероссийской конференции музейных работников говорил: «В настоящее время идет лишь процесс передачи музеев народу, и народ еще мало заинтересован в них. <...> Необходимо возможно скорее соорудить мост от мира детей солнца к миру кротов и доказать массам, что музей для них необходим»²¹. Однако и за 20 лет решить эту проблему не удалось. Удивительно другое: директор музея В.К. Ряховский, занявший эту должность в июне 1943 г., сам был архитектором, так что, по терминологии Луначарского, принадлежал к «миру детей солнца». Но именно ему в значительной степени и адресована инвектива Трофимова, причем весьма справедливо.

И в этих тяжелейших условиях, когда к тому же были большие проблемы с обеспечением стройматериалами, все-таки продолжилась реставрация Больничных палат и церкви Зосимы и Савватия, начатая еще в 1938 г. после выселения из них 59 семей. В 1944 г. реставрационные работы по ним были в основном завершены – замечательный храм был высвобожден

из каменного мешка и обрел первоначальный вид. Было также ликвидировано аварийное состояние стен Духовской церкви, проведены работы по Никоновскому приделу. При этом Трофимов нашел древний способ обработки камня, давший «изготовленным белокаменным деталям убедительность и красоту, достойную первоначальных древних образцов», как отметил И.Э. Грабарь²².

Но львиная доля деятельности Стройучастка в конце войны носила ремонтно-строительный характер. Приходилось прочищать и восстанавливать ливнеспуски, ремонтировать места общего пользования, восстанавливать печи, проводить по требованию городских властей ремонт квартир инвалидов войны и семей военнослужащих на территории Лавры.

Большая неприятность произошла с реставрационно-живописными работами. И произошла она по вине музея. Осенью 1943 г. музей предпринял «за свой страх», как писал Трофимов, реставрацию икон Андрея Рублева и художников его круга. Пригласили реставратора И.А. Баранова на договорных началах со сдельной оплатой труда²³. В начале войны иконы были заклеены бумагой. Надо было ее отмыть, но работа началась, когда уже наступили морозы. В теплом помещении недостаточно прогретые иконы реставратор обрабатывал горячей водой. И слой олифы, покрывавшей иконы, стянулся, превратился в сгустки, обнажив часть живописи. Трофимов утверждал, что музейные работники при реставрации не присутствовали, не было даже составлено акта приемки выполненных работ. Реставратор получил 20 тысяч рублей и уехал, оставив иконы в состоянии, требующем немедленной реставрации. Музей спешил восстановить иконостас в Троицком соборе и готов был поставить иконы в таком виде. Но Трофимов воспротивился этому и пригласил реставратора Н.А. Баранова, до 1931 г. работавшего над расчисткой и реставрацией этих икон. Тот выполнил всю необходимую работу: снял сгустки, нанес слой новой олифы²⁴, после чего иконы были экспонированы на выставке, приуроченной к намечавшейся Рублевской сессии. Комиссия Главного управления по охране памятников

Комитета по делам архитектуры при СНК СССР осмотрела выставку и признала работу Н.А. Баранова безукоризненной, а его самого специалистом, «по праву считающимся единственным мастером в своей области в СССР»²⁵. Но руководство музея было очень недоволено тем, что все реставрационные работы, включая живописные, в годы войны были сосредоточены в Стройучастке, и считало, что это отразилось на темпах работ.

На 1946 г. музей средств на реставрацию не получил. Тем не менее была продолжена расчистка икон из Троицкого собора и фондов, а в куполе того же храма раскрыта часть фрески XVII в. Из памятников шитья были реставрированы покров – вклад Василия III, жемчужная пелена, одежда на престол – вклад Ксении Годуновой. Эти работы проводились сотрудниками ЦГРМ. Силами самого музея были реставрированы четыре гарнитура мебели, двое часов XVIII в., портрет императора Павла и др.²⁶

В годы войны велись и археологические работы. В 1942 г. Г.А. Красноцветов провел раскопки у северной стены Духовской церкви, на месте разобранной часовни Максима Грека. В результате были выявлена цокольная часть церкви и обнаружено несколько надгробных плит. Наиболее интересными оказались плиты Антония Дмитровца середины XVI в. и князя Андрея Ивановича Ряполовского 1570 г. Исследования останков были проведены в техно-химической лаборатории ГТГ и в Институте антропологии МГУ, консультации по тканям получены в ГИМ. Красноцветов полагал, что находка плиты Ряполовского позволяла установить, где находилась звонница Духовской церкви. Одно из захоронений он счел могилой Максима Грека, что позднее было поставлено под сомнение. Красноцветов объяснял свою деятельность в отчете тем, что «недостаточно освещен вопрос об осаде Троице-Сергиева монастыря, и этот пробел надо пополнить археологическим материалом, который может дать очень много для истории вопроса и обогатить нас новыми знаниями о славном прошлом нашей родины и ее великих троицких патриотах»²⁷.

В мае 1945 г. директор музея распорядился перекопать участок территории с восточной и юго-восточной стороны Духовской церкви и посеять траву. Но этот участок являлся древним кладбищем и считался археологической зоной. Член Ученого совета Управления по делам искусств Н.Д. Виноградов резко возражал по этому поводу, указывая также, что уже был опыт с посадками на этом месте деревьев, но хулиганы их полостью уничтожили²⁸.

Надо еще заметить, что осенью того же года по распоряжению заместителя председателя СНК РСФСР было вскрыто захоронение Бориса Годунова²⁹.

Большие трудности возникли в связи с переводом в Загорск Музея народных художественных ремесел (МНХР). Формирование данного собрания было начато в 1936 г. З.Я. Швагер, которая была в то время инспектором Управления по делам искусств при СНК СССР. В 1937 г. на этих материалах состоялась большая выставка в залах ГТГ. После ее закрытия вещи хранились в разных музеях Москвы, а в августе 1939 г. последовал приказ: Загорский музей-заповедник должен был в пятидневный срок освободить большую часть Трапезной и два этажа колокольни для упоминавшихся экспонатов. Они стали называться Постоянной выставкой народных художественных ремесел и художественной промышленности (вначале она считалась отделом ГМИИ). Потом изменили название на Музей народных художественных ремесел, и в июле 1941 г. он был присоединен к музею-заповеднику. З.Я. Швагер, являвшаяся директором МНХР, стала заведующей отделом – ОНХР.

МНХР имел 41925 экспонатов, часть из которых находилась на временных выставках в Минске, Ялте и других городах. Библиотека насчитывала 1675 книг, фототека – 1518 негативов и 6592 фотоотпечатка, имелся и поступил также научный архив³⁰.

Швагер удалось до начала войны частично развернуть выставку резьбы по дереву в помещении Трапезной. После отъезда директора музея-

заповедника с эвакуированной частью коллекций, Швагер назначили директором музея-заповедника³¹. Летом 1944 г. ею был составлен план экспозиции резьбы и росписи по дереву с подробной пояснительной запиской. Однако помещения требовали ремонта, и реализовать замысел не удалось³². В.К. Ряховский, сменивший Швагер, упорно обвинял ее в том, что она якобы семь лет не могла открыть экспозицию. В местной газете по этому поводу появилась заметка, в которой говорилось, что МНХР долгое время ютился в первом этаже колокольни и частично в Трапезной. В 1942 г. ему удалось занять некоторые помещения музея-заповедника, но Ряховский применил «по отношению к своему отделу, не желающему освободить нужные комнаты, своеобразные “меры воздействия”». Начатый ремонт здесь законсервирован, помещение совершенно не подготовлено к зиме. <...> В бывшем помещении сборного пункта, где сейчас (декабрь 1943 г. – Т.С.) размещены ценнейшие образцы, до сих пор открыты окна, большая часть их не застеклена, в комнаты врывается вьюга, всюду холод и запустение. С начала зимы в распоряжение музея предоставлено всего 6 охапок дров. <...> Дело отнюдь не в отсутствии средств, а именно в нежелании примириться с нелюбимым детищем»³³.

Может быть, отчасти такое отношение объясняется тем, что присоединение МНХР к музею-заповеднику рассматривалось как временное. Но, вероятнее, дело было в чем-то другом. Ряховский явно добивался увольнения Швагер сначала за имевшиеся якобы прогулы, потом, обвинил ее в недостатке экспонатов – 3960 предметов на сумму 95335 руб. 54 коп. и настаивал на передаче дела об ОНХР в следственные органы, а ее саму требовал привлечь к уголовной ответственности и наложить арест на ее имущество³⁴. А ведь Швагер возглавляла музей-заповедник в самое тяжелое время – октябрь 1941 – июнь 1943. Благодаря ее хлопотам удалось часть сотрудников прикрепить к столовой и к закрытому распределителю. Другой ее заслугой было то, что в апреле 1943 г. в штат зачислили О.В. Соколову, дочь художника Вл.И. Соколова, и поручили ей записывать воспоминания

отца. В результате мы имеем теперь этот ценный источник о его работе в Земских мастерских Сергиева Посада³⁵.

Первоочередной задачей для сотрудников музея было сохранение вещей. Каждое лето они проверяли коллекции, просушивали ткани, предохраняли вещи от моли и жучка³⁶. Фондовая работа очень осложнилась из-за того, что в марте 1943 г. горком ВКП (б) мобилизовал главного хранителя Н.М. Прасолову и направил ее партсекретарем в Загорскую артель игрушки им. РККА, в связи с чем пришлось проводить большую работу по передаче фондов³⁷.

Исключительно трудоемкой была приемка вещей МНХР. Инвентарные книги были оформлены ненадлежащим образом. Сотрудники были не согласны, например, с тем, что игрушка, состоящая из 100 деталей, имела 100 номеров. К тому же сказалась очень нервная обстановка. Сотрудники подозревали Швагер в том, что она может какие-то вещи переместить или изъять. А она обвиняла комиссию по приемке в создании колоссальной запутанности, ставящей под угрозу целостность коллекций, и даже в том, что Ряховский уничтожил часть экспонатов³⁸.

Проверка в 1945 г. фондов исторического отдела также выявила запутанность в учете. Было установлено, что 905 вещей в этом отделе утеряны до 1944 г. 1765 предметов были признаны подлежащими списанию³⁹.

При проверке в 1946 г. коллекции А.А. Александрова, поступившей в музей в 1930 г., было обнаружено, что 399 предметов утрачено, а 16 пришлось списать как поврежденные. Фотографии из этого собрания не были найдены совсем, вещи обезличены, а среди них находились предметы, принадлежавшие В.В. Розанову, К.В. Леонтьеву и другим известным людям⁴⁰.

Тогда же пытались выяснить, кому и что было передано, что списано, начиная с 1929 г. Оказалось, что по документам в различные организации выдано 969 предметов, без документов – 1030, во временное пользование – 104. Часть удалось вернуть. Была проведена работа по их приему, проверке

сохранности и т.п. В частности, из Гохрана было возвращено 434 предмета, сданных еще до войны. До 1942 г. было списано 488 вещей. В списке для исключения из инвентаря как пришедших в ветхость или не имеющих музейного значения оказалось 1410 предметов. Утрачено за время существования музея 892 вещи. В новые инвентарные книги было вписано 6140 номеров (за исключением вещей ОНХР), в список коллекции нумизматики занесено 2088, а в инвентарь графики 1275⁴¹.

В ноябре 1944 г. был получен эвакуированный фонд. Ущерб, причиненный войной, оценили в 421496 руб. В эту сумму вошли расходы по упаковке, эвакуации, восстановлению экспозиции и пр., не считая стоимости вещей МНХР, пропавших в Минске.

Управление по делам искусств распорядилось открыть к 1 мая 1945 г. постоянную экспозицию⁴². Но удалось сделать только выставку «Андрей Рублев и его современники»⁴³. Другие выставки задерживались из-за отсутствия холста, фанеры, стекла, краски, рабочей силы, денег⁴⁴. Тем не менее, удалось в короткие сроки открыть еще ряд выставок и экспозиций, видимо, благодаря общему подъему духа после Победы. Был восстановлен интерьер Троицкого собора – произведен монтаж иконостаса, сени и престола (реставратор Н.Н. Савельев)⁴⁵. Собор стал доступен для посетителей в ноябре 1945 г. В августе следующего года открыли экспозицию «Древнерусское искусство и культура XV–XVII веков» (автор Ю.А. Лебедева), получившую высокую оценку таких специалистов как М.В. Алпатов, С.В. Бахрушин, И.Э. Грабарь, А.В. Щусев⁴⁶. В ноябре 1946 г. в Митрополичьих покоях открыли новую экспозицию «Искусство XVIII века» (А.Н. Свирин и О.Н. Есипова)⁴⁷. Если прежде здесь можно было видеть обстановку покоев митрополита Платона, то теперь залы были «очищены» от бытовых предметов, а экспонаты располагались преимущественно по видам искусства. Так, в первом зале показывали русскую набойку, ткани, золотное шитье, мебель конца XVII – начала XVIII в., во втором – резьбу и скульптуру той же эпохи и т.п.

Большую работу пришлось проделать для открытия экспозиции ОНХР. План был подготовлен к июню 1945 г. на основе прежнего, составленного З.Я. Швагер. Но, по предложению профессора В.М. Василенко, помимо вещей из дерева, в экспозицию были включены изделия из самых разных материалов: керамики, папье-маше и др.⁴⁸ Летом 1945 г. открылась временная выставка в семи залах.

Научная работа по коллекциям ОНХР не прекращалась и в годы войны. Ее осуществляли и сотрудники отдела, и специалисты, приглашенные по договорам: В.Н. Белицер, Т.Н. Грушевская, Л.Н. Зверева, Г.С. Маслова, Е.М. Можеева⁴⁹.

Был подготовлен к печати альбом «Произведения Андрея Рублева и его современников в Загорском музее-заповеднике» со вступительной статьей И.Э. Грабаря, аннотациями Ю.А. Лебедевой и 48 таблицами, а также сборник статей о творчестве Андрея Рублева и еще несколько работ. Но ничего не удалось опубликовать, кроме краткого путеводителя⁵⁰.

Посетителями музея в этот период были офицеры и красноармейцы, школьники, студенты, научные работники, художники. Много было представителей иностранных государств: Англии, Франции, Канады, Новой Зеландии, Австралии, Италии, Швеции, Испании. Но большой рекламной работы музей не вел из-за плохого состояния архитектурных памятников и неудовлетворительной охраны. К тому же был запрещен свободный проезд по железной дороге. Однако имелся сотрудник, который немедленно извещал о музее прибывающие в город воинские части. В 1944 г. музей посетило 20 тысяч человек, было проведено 500 экскурсий, в 1945 г. – 20 тысяч и 400 экскурсий, в 1946 г. соответственно 40460 и 630⁵¹.

Перспективные планы новых экспозиций начали строить сразу после того, как наступил перелом в войне. В конце 1943 г. искусствовед профессор Н.Н. Соболев дал предложения по профилю музея. Он считал, что основным следует сделать «показ художественно-исторических памятников архитектуры, живописи, скульптуры и произведений художественной

промышленности, собранных в стенах монастыря за все время его исторического существования»⁵². При этом предполагалось, что памятники XV в. будут находиться в Троицком соборе, XVI в. – в Успенском и т.д. То есть, вещи и здания должны были соответствовать по времени.

Затем были разработаны тезисы генерального плана, во многом совпадавшие с идеями Н.Н. Соболева. Предполагалось, что будет подчеркнут художественный аспект, а «историко-бытовые, археологические и другие моменты не должны убивать впечатления от уникальных памятников и экспонатов. <...> Включение в экспозицию диаграмм, макетов, карт и т.п. должно быть максимально сокращено и дано в экспозиции второго плана. Материалы, не имеющие непосредственного отношения к истории монастыря, в экспозицию вводить не следует»⁵³.

Основным принципом был провозглашен принцип комплексного показа произведений искусства в органичной связи с их с архитектурными памятниками. Отступления допускались только из соображения сохранности вещей: в Ризнице предполагалось сосредоточить наиболее ценные экспонаты, так как ее охрану было легче организовать. Планировалась также экспозиция «Троице-Сергиева лавра в произведениях русских художников» в архитектурном отделе. Предусматривался доступ экскурсантов на колокольню вплоть до верхнего яруса. Часть корпусов хотели использовать под гостиницу или базу для туристов⁵⁴.

Таким образом, развитие получила наметившаяся еще в 1940 г. тенденция отказа как от грубой социологизации экспозиций, от обилия в них материалов разъясняющего характера и не имеющих художественной ценности, так и от попыток показать всю историю страны в рамках музейной экспозиции. Безусловно ценным было стремление представить коллекции музея в архитектурных памятниках соответствующей эпохи, а в заботе о туристах предвосхищалось далекое будущее.

Недостатком данной концепции можно считать то, что она замыкалась на истории монастыря. Выставки ОНХР планировались как бы поневоле –

раз уж он существует. Не было речи об истории края. Конечно, это можно объяснить массой труднейших задач, стоявших перед музеем, и невозможностью в связи с этим расплыть силы. Но, к сожалению, заложенная в 1944 г. тенденция изучения преимущественно монастыря в ущерб изучению города и края определила направленность работы музея на долгие годы.

В целом можно сказать, что предусматривался возврат к тому музею, который был создан в 1920-е годы Комиссией по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Казалось, что этот план может быть осуществлен: к 1946 г. имелось 1787 кв.м. экспозиционных площадей и 850 кв.м. фондовых⁵⁵. Правда, многие здания требовали существенного ремонта и реставрации, к тому же значительная часть помещений, как и прежде, была занята посторонними организациями и заселена людьми. Но был запланирован большой объем реставрационных работ как архитектурных памятников (Митрополичьи покои, Больничные палаты, царские Чертоги, Духовская церковь и Никоновский придел), так и икон, шитья, изделий из металла, тканей, мебели⁵⁶.

В 1945–1946 гг. пополнился штат научных работников. В отдел древнерусской архитектуры и живописи по рекомендации И.Э. Грабаря был принят известный музейный деятель П.И. Нерадовский, вернувшийся из заключения. Ученым секретарем стала О.Н. Есипова. В отдел истории были приняты Н.А. Крыжановская и Н.А. Маясова. Вернулась на должность хранителя фондов К.М. Прасолова. Пополнился сотрудниками ОНХР, которым руководил И.Ф. Казаков: из эвакуации вернулась Т.Н. Грушевская и была принята З.С. Супищикова.

Казалось вполне реальным осуществить генеральную реэкспозицию. Однако сделать это в полном объеме не удалось в связи с начавшейся в 1946 г. передачей зданий Лавры Московской Патриархии. В годы войны произошло, как известно, некоторое сближение государства и Церкви. 4 сентября 1945 г. Совет по делам Русской Православной Церкви уведомил

Патриарха Алексия, что СНК СССР удовлетворено его ходатайство о предоставлении Церкви здания бывшей Московской духовной академии в Лавре, а также об открытии Успенского собора с перенесением туда мощей Сергия Радонежского из Троицкого собора⁵⁷. Но еще раньше, в январе 1945 г., по распоряжению Управления по делам искусств музей должен был передать в Совет по делам религий (по выбору представителя Патриархии) некоторые богослужебные книги, церковную утварь и облачения⁵⁸. А в апреле 1946 г. архимандрит Гурий (Егоров) принял Успенский собор и предметы культа, находившиеся в нем, с обязательством проводить ремонтно-восстановительные работы на основании существовавшего генерального плана реставрации за счет своих средств. В том же году была передана рака с мощами преподобного Сергия, иконы, паникадила, сосуды, кресты, облачения, богослужебные книги, подсвечники и другие предметы. Письмом от 28 мая Управление по делам искусств дало разрешение на колокольный звон в Лавре.

В октябре 1946 г. новый наместник Лавры архимандрит Иоанн принял Надкладезную часовню, Михеевскую церковь, Трапезную с церковью преподобного Сергия и колокольню. Патриархия обещала приложить все усилия, чтобы привести эти здания в надлежащее состояние, учитывая постановления по охране памятников старины. Реставрационные работы должны были проходить под наблюдением начальника Стройучастка. Оговаривалось, что сотрудники музея в промежутках между дневными службами будут допускаться с посетителями для осмотра колокольни и храмов⁵⁹.

В конце 1946 г. Патриархии были переданы Митрополичьи покои и Надвратная церковь. А четыре зала в царских Чертогах были отданы ремесленному училищу⁶⁰. Здания передавали не сразу, а постепенно. Сотрудникам приходилось то и дело перетаскивать фонды, закрывать недавно открытые выставки. Так, фонды ОНХР за год перебрасывали дважды⁶¹. Только что оживленно обсуждали, оставлять ли на выставке

фелонь Сергия Радонежского, как нужно было передавать ее Патриархии. Вложили силы и средства в реставрацию того или иного помещения и приспособление его к экспозиционным целям, как надо его освободить, как это произошло с Митрополичьими покоем⁶².

Директор музея И.И. Белкин пытался отстоять некоторые помещения, указывал, например, на то, что колокольня не принадлежит Успенскому собору и потому не должна передаваться Патриархии. Но все было бесполезно. Конечно, здания, которые музей отдавал, требовали большого ремонта и реставрации. В Митрополичьих покоях крыша была в дырах, перекрытия сгнили, потолок грозил обвалом. В Успенском соборе протекала кровля, так что вода струилась по фрескам, восточная стена позеленела, стекла были выбиты – дождь и снег попадали внутрь собора. Царские Чертоги находились в очень плохом состоянии: текла крыша, была испорчена канализация, помещения были очень запущены и загрязнены⁶³.

Патриархия взялась за срочный ремонт Успенского храма. Но сотрудники музея были недовольны качеством этих работ, указывали на то, что они ведутся без согласования со Стройучастком: возникали «опасения за сохранность силуэтов верха собора»⁶⁴. Комиссия во главе с Н.Н. Соболевым, осмотрев произведенные осенью 1946 г. живописно-малярные работы внутри порталов собора, признала их не соответствующими характеру памятника XVI в.⁶⁵

Вместе с тем музей без возражений расстался с большим количеством предметов, считая их не имеющими музейного значения. Даже предлагал передать дополнительно 677 вещей – икон, картин, портретов, литографий и пр., а также 1899 книг (причем без списка)⁶⁶. Охотно согласился музей отдать по просьбе архимандрита Иоанна иконостас из Духовской церкви, а также иконы и портреты церковных деятелей, литографии, фотографии, книги и пр.⁶⁷

В заключение можно сказать, что военный период музей в основном выдержал успешно. Утраты вещей были, но не больше, чем в

предшествовавший период. Эвакуация и реэвакуация прошли без потерь. За все это, в том числе и за работу по обслуживанию посетителей в годы войны, 18 сотрудников музея были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». С 1944 г. возобновилась работа над новыми выставками, и ряд их удалось открыть уже в 1944–1946 гг.

Огромный труд был вложен в инвентаризацию фондов. Даже в самое тяжелое время не прекращалась научная работа. Особенно оживилась она в 1944–1945 гг., когда пришли новые сотрудники и, кроме того, стали приглашать специалистов на договорной основе.

Архитектурные памятники Лавры были сильно повреждены, а территория крайне загрязнена и замусорена. С 1944 г. Стройучасток под руководством И.В. Трофимова прилагал героические усилия при проведении ремонтных и реставрационных работ.

В 1944 г. был разработан план перспективного развития музея-заповедника. Но с весны 1946 г. по распоряжению вышестоящих организаций пришлось начать передачу зданий, а также церковных предметов Патриархии, что не дало возможности осуществить этот план.

В 1947 г. для посетителей были открыты Троицкий собор и экспозиции «Монастырь-крепость в XVI–XVII вв.», «Искусство XVIII в.» и экспозиция народно-художественного творчества. В связи с 800-летием Москвы был организован частичный показ стен и башен монастыря и сделана небольшая выставка, отражающая роль монастыря как средневековой крепости – представлены панорамы, карты, копии миниатюр, литографии, портреты деятелей начала XVII в., русское и польское оружие. Выставка располагалась в верхнем ярусе Луковой башни. Экспозиция «Искусство XVIII в.» находилась в Митрополичьих покоях и занимала восемь комнат. Были представлены живописные портреты, гравюры, акварели, мебель, зеркала, посуда и другие произведения прикладного искусства работы русских и иностранных мастеров. Экспозиция отдела народного художественного творчества (НХТ) занимала семь залов служебного корпуса второго этажа. В

четырёх залах посетители могли увидеть предметы крестьянского искусства и промыслов дореволюционного периода: образцы архитектурной резьбы, посуду, прялки, дуги и другие вещи, украшенные росписью и резьбой, образцы русской вышивки и ткачества, а также вышивки марийцев, удмуртов, чувашей и мордвы, крестьянские женские костюмы, ручную набойку, кружево, роспись по папье-маше, фарфору и жести, местную игрушку. В трёх залах были показаны вещи советского периода: резьба по кости и бересте, деревянные и глиняные игрушки различных местностей, жостовские подносы, изделия Палеха, Холуя, Мстеры, хохломская и городецкая роспись, а также вышивка, кружево и ковры⁶⁸.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов работа музея проходила в сложной обстановке. Прежде всего, растянувшаяся на несколько лет бесплановая передача зданий музея Патриархии очень затруднила его жизнь в начале этого периода. Только что, к примеру, музей требовал от архимандрита Иоанна очистить проход к расположенной в Луковой башне новой выставке «Монастырь-крепость XVI–XVII вв.», как неожиданно эту башню отдали Патриархии⁶⁹. По указанию Комитета по делам искусств потратили средства на ремонт крыши и фасада царских Чертогов, а в них расположили Московскую духовную академию⁷⁰. В марте 1947 г. Комитет распорядился устроить в Митрополичьих покоях выставку по архитектурной реставрации к 800-летию Москвы, а в декабре это помещение вдруг вернули Патриархии. Выставку и экспозицию искусства XVIII в. пришлось свернуть⁷¹.

В самом музее в первые послевоенные годы обстановка была очень нездоровой. Директор И.И. Белкин не сработался с заместителем по научной части Ю.А. Лебедевой, обвинял ее в развале работы. Директора поддерживала заведующая отделом НХТ З.С. Супищикова. Она обвиняла также в профессиональной непригодности хранителя фондов отдела НХТ Н.М. Прасолову⁷². В 1948 г. Лебедеву освободили от работы в музее, сменили и директора. Вскоре ушла Супищикова. Музей потерял в это время

еще нескольких сотрудников: П.И. Нерадовского, Н.А. Крыжановскую, В.Н. Докучаеву. И в 1949 г. не осталось специалистов по древнерусскому искусству и по народному творчеству⁷³.

Идеологический прессинг был очень силен. Так, на научных совещаниях музейных работников в апреле и мае 1948 г., когда рассматривался план показа искусства XVIII в. (автор О.Н. Есипова), требовали создавать экспозицию в соответствии с политикой борьбы против низкопоклонства перед Западом. Для этого следовало произвести тщательный отбор предметов «по национальному признаку». А в старой экспозиции было немало иностранных вещей. Задача была трудной: ведь если убрать большую часть предметов, это не понравится посетителям (а их число было главным показателем работы музея). Так что сотрудники предлагали включить хотя бы часть иностранных вещей, но объяснять, что акварели Кампорези выставляются с тем, чтобы показать, как на итальянского художника повлияло русское искусство, что отобраны для экспозиции ткани по рисункам французских мастеров, но сделаны-то они на отечественных фабриках, что китайские вещи используются для раскрытия темы торговых и культурных связей с другими странами. А в противовес тем портретам XVIII в., где видно следование традициям западных живописцев, выставить работы А.П. Антропова, который «побеждает иностранное влияние», и т.д. Некоторые видели выход в том, чтобы немногие иностранные вещи поместить в русский «контекст» так, чтобы при этом сравнение было обязательно в пользу последнего, а народность видеть в искусстве крепостных мастеров, она-де «прорывалась сквозь церковную тематику». Да еще требовалось новую экспозицию, построенную, кстати, по тематическому, а не ансамблевому принципу (как было раньше), сделать мостиком к экспозиции отдела НХТ⁷⁴.

Однако все эти задачи отступили на второй план, когда в середине 1949 г. на музей обрушилась реорганизация: его передали из республиканского в союзное подчинение – в Комитет по делам искусств при Совете Министров

СССР⁷⁵. Казалось бы, – повышение статуса на благо музею. В коллективе и у нового директора П.М. Чигиря даже возникла мысль, что можно будет реанимировать научную работу⁷⁶. Но уже в начале следующего года стало ясно, что дело обстоит совсем не так. Произошло следующее. Комитет увидел бесчисленные недостатки в работе музея, прежде всего в учете и хранении вещей. Речь шла о передаче музейных ценностей во временное и постоянное пользование различным музеям без разрешения вышестоящей организации, незавершенности инвентаризации, засоренности фондов отдела НХТ и пр. Неудовлетворительным было признано и проведение реставрационных работ⁷⁷. Складывается впечатление, что сотрудники Отдела музеев Главного управления учреждениями изобразительных искусств при Совете Министров СССР (Главизо) были недостаточно компетентны в вопросах музейного дела. Было решено, например, создать Комиссию по пересмотру профиля музея. Но за несколько лет Главизо так и не смог этого сделать. Более всего это учреждение было обеспокоено сохранностью ценностей и потребовало закрыть для посетителей экспозицию древнерусского искусства, содержащую изделия из драгоценных металлов и с драгоценными камнями, сосредоточив их в специальном хранилище. Также было приказано востребовать все вещи, переданные раньше во временное пользование, и закончить инвентаризацию. Однако при этом были назначены нереальные сроки. Главизо потребовал также в середине года изменить план научной работы и пересмотреть существующие экспозиции. Кроме того, было принято решение о переселении сотрудников музея и работников Стройучастка из помещений, смежных с хранилищами и экспозициями, и о выселении посторонних жильцов с помощью прокуратуры. Но последнее так и осталось на бумаге. Было намечено также многое по улучшению содержания зданий, в том числе по их пожарной безопасности⁷⁸.

Научную работу, планировавшуюся на 1949 г., пришлось отложить, так как все сотрудники были отвлечены на учет, а часть их уволилась. Намечавшийся выпуск путеводителя оказался бессмысленным из-за закрытия

экспозиций древнерусского искусства (по требованию Главизо) и обороны монастыря (из-за передачи Патриархии Луковой башни), а также потребовавшейся переделки других экспозиций. По итогам 1949 г. вся научная, культурно-массовая и учетно-хранительская деятельность была признана неудовлетворительной, а экспозиции – имеющими существенные недостатки⁷⁹.

В 1950 г. Комитет сменил директора и его заместителя по научной работе. Ими стали журналист Г.А. Сидоров-Окский и Б.С. Щипанов. Последний заведовал одним из отделов музея еще до войны. Но вскоре он был уволен за пьянство. Его сменил В.Т. Котов, написавший в анкете, что он «ответственный советский работник». Казалось, осуществилась давняя мечта сотрудников об образованном руководителе. Новый заместитель начал с жесткой критики. Выступая в середине 1950 г. на совещании, он нарисовал удручающую картину: в музее недооценивали важность учета и хранения, довели по небрежности многие произведения живописи до плохого состояния, допустили, что часть вещей поражена грибком, жучком, исцарапана и изломана. Часть инвентарных карточек потеряна, часть предметов числится списанной (в то время как они есть в наличии, даже в экспозиции), описания предметов сделаны недобросовестно, в фондах отдела НХТ имеются незаинвентаризированные вещи, иные предметы записаны по два–три раза и т.п. Сложившуюся ситуацию Котов объяснял тем, что сотрудники плохо знают технику музейного дела⁸⁰. Критика, видимо, во многом справедливая, прозвучала в такой форме, что вызвала бурные протесты и обиды и научных сотрудников, и уборщиц, делавших тяжелую и грязную работу за крайне низкую плату, к тому же в неотопливаемых помещениях.

Но были, конечно, и другие причины неудовлетворительной работы, о которых уже отчасти упоминалось: сокращение штатов, которое устроил Комитет, слишком жесткие, совершенно невыполнимые сроки, отпущенные на инвентаризацию изделий из драгоценных металлов, увлечение политико-

просветительской работой в ущерб работе фондовой в предыдущий период, когда музей находился в ведении республиканского Комитета, и пр.⁸¹ Особенно запущенной оказалась инвентаризация коллекций ОНХТ. Начатая еще в 1946 г., она была проведена без разбора и систематизации материала, что привело к большому количеству ошибок⁸². И в 1950 г. вынуждены были признать, что лучше все начать заново, чем пытаться сверять инвентарные номера⁸³. Разумеется, недостатки были и в условиях хранения. Передача части помещений Патриархии и связанные с этим перемещения фондов, теснота в хранилищах также не способствовали сохранности вещей⁸⁴.

Несмотря на все усилия сотрудников и прямой запрет директора на научную деятельность, работа по учету и хранению, проведенная в 1950 г., была снова признана неудовлетворительной⁸⁵. На следующий год решили отказаться от проведения сборных экскурсий, большую часть сотрудников вообще освободить от экскурсий и все силы бросить на учет⁸⁶. Однако инвентаризация, проведенная в 1951–1952 гг., вновь получила неудовлетворительную оценку⁸⁷. Пытались поправить дело большими списаниями: 492 предмета списали без разрешения Комитета. В 1951 г. отобрали на списание еще 6611 предметов⁸⁸. Но при повторном просмотре специалистами в 1953 г. 2500 из них были оставлены в музейной коллекции⁸⁹. Только после подачи отчета за 1953 г. учетно-хранительская работа, наконец, была признана удовлетворительной⁹⁰.

Политику Комитета нельзя назвать последовательной: в 1954 г. союзный Комитет, так настаивавший на возврате ранее переданных вещей, сам распорядился передать 882 предмета из Загорского музея в Оружейную палату и 624 – в другие музеи⁹¹. Формально-бюрократический метод руководства ярко проявился не только в требовании аврального переучета, но и в значительном сокращении штатов. Уже в 1949 г. сократили 11 вахтеров. И это при том, что Комитет так беспокоился о сохранности вещей⁹². Бесплановая передача помещений Патриархии, как уже было сказано выше, вносила свой вклад в дезорганизацию работы музея. Так, экспозицию,

посвященную обороне монастыря, из Луковой башни пришлось перевести в Водяную башню. Но влажность воздуха в ней была 98–100%, так что сразу встал вопрос о переводе экспозиции в какое-либо другое помещение⁹³. В связи с тем, что вещи из драгоценных металлов по указанию Комитета поместили в закрытое хранилище, в трех залах Ризницы пришлось спешно делать новую экспозицию древнерусского искусства, а один зал выделить под специальное хранилище⁹⁴.

Отдел НХТ в 1947 г. был назван «больным» – экспозицию сочли неудовлетворительной. Открыта она была спешно в 1945 г. и не показывала, как теперь требовалось, преимущества вещей советского периода перед дореволюционными. Кроме того, были допущены серьезные ошибки при инвентаризации, о чем говорилось выше. Заведующего отделом И.Ф. Казакова считали из-за преклонного возраста и мягкого характера недостаточно требовательным к сотрудникам⁹⁵. В 1947 г. была произведена реэкспозиция по плану Супищиковой: внутри каждого раздела – дореволюционного и советского – вещи были сгруппированы по видам художественных произведений, месту возникновения, а в пределах места – по десятилетиям. В 1949 г. в музее была открыта выставка «Художественные промыслы Подмосковья», экспонаты для которой собирала Супищикова, объехавшая ряд центров художественных промыслов. В этой работе принимали также участие Л.Н. Бойкова и В.Н. Докучаева, занимавшиеся богородской резной игрушкой⁹⁶. И в экспозицию НХТ были включены предметы, приобретенные с выставки художественных промыслов. Но и обновленная экспозиция вызывала возражения. Стояла задача: показать расцвет искусства советского периода. На научных совещаниях 1951 г. было предложено убрать из экспозиции произведения Вл. И. Соколова как «ненародного мастера», а также Мазина, Лебедева, Суханова – мастеров, работавших в 1930-е годы, убрать также жостовские подносы, федоскинские лаки, вятскую игрушку и пр.⁹⁷ Научные сообщения и доклады в этот период

разрабатывались на такие темы, как «Маркс и Энгельс о народном творчестве», «Ленин и Сталин о народном творчестве», и т.п.⁹⁸

Так как в ОНХТ советский период выглядел беднее дореволюционного, требовалось это срочно исправить. Однако, несмотря на все просьбы музея приобрести отобранные в 1952 г. на выставке в Москве изделия народных промыслов, денег Комитет не отпустил, и серьезная работа сотрудников в этом направлении пропала даром⁹⁹.

Комитет также прекратил финансирование реставрационных работ по архитектурным памятникам. Эти работы были законсервированы, их руководитель И.В. Трофимов в 1950 г. уволился¹⁰⁰.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, несмотря на все трудности, был все-таки выполнен ряд научных работ. К сожалению, кроме краткого путеводителя по музею Ю.А. Лебедевой (1947) не удалось ничего издать. Так, остались неопубликованными работы И.В. Лазарева «Строительство в Троице-Сергиевом монастыре в XVIII веке и современные методы реставрации архитектурных памятников», А.М. Курбатовой «История Загорска», О.Н. Есиповой «Ткани XVIII века» и др., а также подготовленный сборник по народному искусству со статьями Т.Н. Грушевской о богородских мастерах, Ю.А. Лебедевой о Палехе, М.П. Званцевой о нижегородской народной живописи, А.И. Деньшина о дымковской игрушке и пр.¹⁰¹

Только одну экспозицию удалось открыть в этот период – «Архитектурные памятники и их реставрация» – в двух залах северного крыла Больничных палат (1949)¹⁰².

К середине 1950-х годов с назначением Н.А. Маясовой на должность заместителя по научной части и окончанием мучений с инвентаризацией, а также в связи с тем, что с 1955 г. музей снова был переведен в республиканское подчинение, а в следующем году – в подчинение Московскому областному отделу культуры, обстановка постепенно нормализовалась¹⁰³. Развернулась деятельность новых, молодых, энергичных

сотрудников: О.В. Кругловой, Л.Э. Калмыковой, Т.В. Николаевой, О.А. Белобровой и др. Научные исследования велись в направлении изучения как отдельных памятников в собрании музея, так и целых коллекций. Была осуществлена огромная собирательская работа, что позволило существенно расширить и улучшить экспозиции.

Археологические исследования на территории Лавры раньше проводились эпизодически. Так, в 1945 г. сотрудники Института истории материальной культуры (ИИМК) вскрыли склеп Годуновых¹⁰⁴. Но с 1952 г. Т.В. Николаева установила постоянные наблюдения за земляными и строительными работами, когда в музее стали проводить центральное отопление. Были найдены несколько надгробных плит XV–XVII веков. Для их исследования она привлекла монастырские документы: Вкладные и Кормовые книги, Синодик и пр. Археологическая коллекция пополнилась также благодаря школьникам, которые нашли в размытом берегу реки Вондюги, близ Лавры, скопление поливных и неполивных (красных) изразцов, клад монет XV–XVII вв., принесли также монеты XVII–XX вв. и пр. Николаева регулярно составляла отчеты, писала статьи об обнаруженных памятниках и о надгробных плитах монастырского некрополя. В 1960 г. была открыта экспозиция археологического отдела, которая в дальнейшем неоднократно пополнялась. Николаева составила также общий свод надписей на надгробных плитах¹⁰⁵.

Как известно, усиление атеистического прессинга в хрущевские времена привело к новым массовым закрытиям церквей. Так, за 1961–1962 гг. число действующих церквей сократилось более чем на 30%¹⁰⁶. В соответствии с приказом Министерства культуры РСФСР от 21 ноября 1960 г. сотрудниками музея проведена большая работа по обследованию действующих и закрытых церквей для выявления и изъятия историко-художественных памятников. Эта работа проводилась не только в Московской области, но и Тульской, Тамбовской, Костромской областях. В тех случаях, когда в храмах, где служба продолжалась, находили уникальные

произведения искусства, возбуждали ходатайство о передаче их в музей, а из закрытых церквей аналогичные памятники изымали сразу. Таким образом, только в 1961 г. в Загорский музей поступило почти 300 вещей, в том числе 30 икон, 149 книг старой печати, 113 предметов прикладного искусства из серебра, меди, дерева, парчи и пр. Новые поступления подвергали дезинфекции, некоторые передавали на реставрацию¹⁰⁷. Так было спасено немало ценных произведений искусства, которым грозила гибель.

С 1952 г. начались ежегодные экспедиции сотрудников отдела НХТ для изучения художественных промыслов, а позже и народного (крестьянского) искусства. В течение 1952–1963 гг., кроме Подмосковья (хотьковской резьбы по дереву и кости, богородской резной игрушки и др.), был обследован целый ряд регионов. Приведем этот впечатляющий перечень: камнерезный промысел в Горьковской и Молотовской областях, каслинское литье, златоустовская гравировка, ювелирное производство в селе Красном Костромской области, хохломская роспись, семеновская игрушка Горьковской области, вологодское и елецкое кружево, холмогорская резьба по кости, лаковая роспись Федоскина и Холуя, резьба по капокорешку Кировской области, шемогодская резьба по бересте, устюжская чернь, золотошвейное дело и др. В этих экспедициях участвовали О.В. Круглова, Л.Э. Калмыкова и – в первые годы – Л.Н. Бойкова¹⁰⁸. Они пополняли музейные коллекции, изучали биографии мастеров, составляли описания техники производства и лучших произведений. Так, Калмыкова при изучении кружевоплетения на Вологодчине записала сведения по истории промысла, в том числе легенду о его возникновении, данные о дореволюционных скупщиках и о современных мастерицах, названия отдельных видов изделий, сведения о старых узорах, об изменении ассортимента в советское время. Она также изучила коллекцию кружев Вологодского краеведческого музея и фондов лаборатории Волокружевосоюза, выявила характер и композиции узора на отдельных этапах развития кружевоплетения, художественные особенности местного кружева и изменения в орнаменте как массовых

изделий, так и крупных тематических вещей, и даже старинных штучных изделий, находившихся у частных лиц¹⁰⁹. Это типичный подход сотрудников музея к изучению промысла в то время. Надо заметить также, что, выезжая в регион с целью обследования определенного промысла или центра народного искусства, они часто расширяли границы исследования. Например, во время поездки в Воронеж и Калач Круглова, помимо сведений о керамическом промысле, собрала интересный материал о жилых постройках в Калаче. То же произошло при ее посещении Холуя¹¹⁰. С 1952 г. почти ежегодно в музее проводили конференции по материалам экспедиций, открывали временные выставки, по некоторым из них выпускали каталоги. При этом обычно приглашали представителей промыслов, коллег из НИИХП и других организаций. Обсуждались и производственные вопросы: отсутствие механизации, плохое снабжение, недостаток квалифицированных кадров, отсутствие необходимой литературы и пр. В одной из таких конференций принял участие известный специалист в области музееведения А.М. Разгон, высоко оценивший сделанные доклады. Он отметил, что в музее не просто собирают вещи, но обобщают материал даже на основе одной экспедиции¹¹¹.

Начиная с 1960 г. сотрудники ОНХТ выступали с докладами не только в своем музее, но и за его пределами. Помимо изучения современных промыслов, Круглова и Калмыкова много занимались сбором и исследованием произведений крестьянского искусства. Круглова ездила в экспедиции по рекам Пинеге, Мезени, Северной Двине, где собирала предметы с резьбой и росписью по дереву (прялки и др.). Калмыкова изучала народное искусство Тверской земли, в основном вышивку и набойку.

Период середины 1950 – начала 1960-х годов был временем интенсивной экспозиционной работы. В 1956 г. в музее были открыты для посетителей уже шесть экспозиций. Одна из них, посвященная истории монастыря-крепости XIV–XVII вв., была размещена в трех залах на втором этаже в южном крыле Больничных палат. Центральное место, как и раньше, было отведено теме обороны монастыря в 1608–1610 гг., но был показан и

рост его как феодала-вотчинника, и события конца XVII в., связанные с ролью обители в жизни Петра I. В нижнем этаже тех же палат посетители знакомились с памятниками монастырского некрополя, а в трех залах бывшей ризницы располагалась экспозиция «Древнерусское искусство XIV–XVII веков» (иконы, шитье, предметы прикладного искусства, древние книги). Русское прикладное искусство XVIII–XIX вв. было представлено в семи залах Наместничьих покоев. Завершался обзор разделом «Русское народное художественное творчество XVIII–XX вв.»¹¹²

Существенное обновление претерпела экспозиция «Монастырь-крепость в XVI–XVII вв.» В 1951 г. она занимала всего один зал в Больничных палатах (после перевода из Водяной башни). В следующем году был открыт еще один зал, включивший материалы, отражавшие роль монастыря как феодала в XV–XVII вв. и антифеодальные движения XVII в. Дальнейшая работа затормозилась в связи с проведением отопления, а потом из-за того, что составление тематического плана было поручено ученому секретарю И.И. Бурейченко, который не справился с задачей.

В 1962 г. план первой части этой экспозиции был составлен Н.А. Маясовой, Т.В. Николаевой и Л.М. Спириной. Они расширили временной диапазон – речь уже шла о периоде XIV–XVIII вв. Были отобраны экспонаты не только в собственных фондах, но также в музеях Истры, Коломны и в ГИМ. Выполнены новые макеты Лавры, рисунки, копии миниатюр и пр. Заказано и получено новое оборудование – более 400 наименований. В 1963 г. открылись уже четыре зала в Больничных палатах. Т.В. Николаевой, В.П. Зыковой, Л.М. Спириной, Т.Н. Манушиной и Н.М. Назаровой был также составлен план второй части экспозиции (XVIII–XX вв.). Начался отбор вещей и их реставрация.

Временно закрытый в связи с устройством отопления и ремонтными работами археологический раздел, вновь был открыт в 1962 г. и в следующем году значительно пополнен¹¹³.

В 1952 г. экспозиция отдела архитектуры (в двух залах северного крыла Больничных палат), была значительно расширена: добавлены модель Корбухи (загородного дома с садом наместника Лавры митрополита Платона), акварели архитектора Д.П. Сухова с реконструкциями Корбухи, белокаменные детали, фотографии памятников архитектуры Лавры. Работу проводили И.И. Багаева и Т.В. Николаева. В церкви Зосимы и Савватия была развернута выставка архитектурных деталей и археологических находок. Она дополнялась в следующем году. Потом из-за ремонтных работ экспозиция «Архитектурные памятники и их реставрация» была некоторое время свернута, а в 1961 г. открыта и расширена на один зал (автор И.И. Багаева)¹¹⁴.

Экспозиция древнерусского искусства подверглась значительному изменению в связи с тем, что по указанию Комитета по делам искусств в 1950 г. выделили особое помещение для изделий из драгоценных металлов и с драгоценными камнями. Пришлось срочно создавать в трех залах ризницы новую экспозицию, которая пополнялась в 1954 г., а в 1958 г. Николаева расширила ее еще на один зал, добавив более 200 экспонатов. Это были реставрированные вещи, а также произведения мелкой пластики, которые она определила и датировала. Сюда вошли также произведения искусства XVII в., что раньше было невозможно из-за недостатка площади. Таким образом, была создана выдающаяся панорама развития древнерусской художественной культуры всего периода Московской Руси¹¹⁵.

При переводе экспозиции искусства XVIII в. из Митрополичьих покоев в Наместничьи, когда первые были переданы Патриархии, сначала открыли выставку «Русское прикладное искусство XVIII–XIX вв.» (автор Т.Н. Кедрова). Ее дополняли в 1954 и 1955 гг. Затем она была закрыта в связи с проведением отопления и возобновлена в 1957 г.¹¹⁶

Экспозиция ОНХТ пересматривалась в 1952 и 1953 гг. с целью повышения ее идейно-художественного уровня (авторы О.В. Круглова и Т.Н. Бойкова). При этом советский раздел был увеличен на один зал. В дальнейшем она пополнялась несколько раз в основном за счет вещей,

привезенных из экспедиций. Кроме того, большие приобретения удалось сделать к 40-летнему юбилею октябрьской революции – только в 1957 г. закупили 550 предметов, был выпущен каталог¹¹⁷.

Серьезные изменения, которые происходили в существовавших экспозициях, и создание новых были обусловлены рядом причин. Часть из них носила политический и идеологический характер (борьба с космополитизмом, передача многих зданий Патриархии, а затем новая антирелигиозная волна). Одновременно шел внутренний рост музея – значительное пополнение коллекций, главным образом, благодаря интенсивной экспедиционной деятельности, а также вследствие включения в экспозиции вещей, прошедших реставрацию. Сыграли свою роль и технические проблемы: в течение нескольких лет экспозиции одну за другой приходилось закрывать при проведении центрального отопления. Естественно, при этом перемещали экспонаты, вносились и другие изменения. И, конечно, большое значение в достигнутых успехах, как уже отмечалось, имело то, что в музей пришли молодые образованные сотрудники со свежим взглядом.

В 1950-е годы благодаря Кругловой и Калмыковой активизировалась работа с местными художниками. Круглова стала членом художественного совета Загорских художественных мастерских. В музее с 1950 г. почти ежегодно проходили выставки местных мастеров с докладами искусствоведов и обсуждением работ. Устраивали также персональные выставки: Н.И. Барченкова, П.А. Радимова, Ц.С. Стоянова, Вл.И. Соколова, Вас.И. Соколова, Л.В. Трофимова и др. Был устроен показ творчества самодеятельных художников и детского рисунка одной из школ¹¹⁸. В 1959 г. открылась выставка старейших мастеров. На ней представили, в частности, произведения, авторы которых были связаны с Загорским музеем: П.И. Нерадовского (большое количество графических портретов и несколько пейзажей) и Т.Н. Грушевской (эскизы 1945 г. для росписи деревянных токарных изделий, эскизы открыток и иллюстраций и портреты

игрушечников). Интересны также были фарфоровые фигурки с росписью Т.Н. Шевченко и работы других художников. Выпустили и каталог с биографиями авторов произведений¹¹⁹. В 1960-е годы в выставках музея стали принимать участие и москвичи¹²⁰.

Сохранился подробный протокол обсуждения весенней выставки 1952 г., в котором ярко отразилась кампания борьбы с космополитизмом. Особенно досталось тогда Цочо Стоянову, болгарину, жившему в Загорске с 1943 г. Критики высказывались так: «слишком эстетичный художник», «надо давать советский пейзаж, а у него французистость», «все пейзажи Стоянова проникнуты буржуазной идеологией», «это пережитки формализма, с которыми надо вести борьбу». А художник Н.Я. Беляев заявил: «... работники музея пропустили на выставку недостойные произведения. Нам не нужны такие выставки <...>. Партия требует, чтобы каждый художник подчинял свое творчество задачам построения коммунизма <...>. В работах Стоянова имеется безусловно формалистический характер с оглядкой на Запад»¹²¹.

Сотрудники музея читали лекции, пропагандируя реалистическое искусство: «Основоположники русского национального пейзажа», «Образ советского человека в искусстве», «Советское искусство в борьбе за мир», «Образы Ленина и Сталина в советской живописи», «Образ Ворошилова в советской живописи». Ряд лекций был посвящен творчеству художников-реалистов: Федотова, Репина, Левитана, Перова, Иогансона и др. Устраивали также передвижные выставки репродукций: «Лучшие произведения советской живописи», «Русское реалистическое искусство второй половины XIX в.» и т.п. А с 1959 г., после XXI съезда КПСС, на котором было принято решение об усилении эстетического воспитания трудящихся, сотрудники музея читали циклы лекций по искусству в городском Народном университете культуры и в лекториях района: Константинове, Муханове и Краснозаводске¹²².

Когда оживилась научная работа, остро встал вопрос и об издательской деятельности музея. В 1950-х – начале 1960-х годов увидели свет три выпуска сообщений и путеводители. Путеводитель 1956 г. был переиздан в следующем году. Он был составлен коллективом авторов: Н.А. Маясовой, Т.В. Николаевой, И.И. Бурейченко, О.Н. Есиповой и О.В. Кругловой. Вышли также брошюра Николаевой об обороне монастыря в 1608–1610 гг. и фундаментальный каталог произведений мелкой пластики XIII–XVII вв. – первый каталог более чем за 30 лет жизни музея. Была также опубликована монография Кругловой о художнике Владимире Ивановиче Соколове, выпущены два комплекта открыток (1958 и 1962) и несколько каталогов временных выставок народного искусства и выставок художников¹²³.

Первый выпуск сообщений музея представлял собой развернутый отчет работы за 1954 г. Второй и третий – это сборники статей по отдельным памятникам и коллекциям: «Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора» Т.В. Николаевой, «Надписи на произведениях иконописи XIV–XVII веков» А.М. Курбатовой, «Иконы Симона Ушакова в собрании Загорского музея» и «Произведения А.П. Антропова в Загорском музее» Т.Н. Кедровой, «Тульская народная вышивка» Л.Н. Бойковой и др. В «Сообщениях» помещали также научные работы реставраторов: М.П. Рябовой «Реставрация покровы XVII века», В.И. Балдина «Красная башня Троице-Сергиева монастыря (исследование и проект реставрации)», И.В. Трофимова «Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия XVII века и их реставрация».

По истории и архитектуре Лавры были изданы книги И.В. Трофимова и В.И. Балдина¹²⁴.

Несколько работ сотрудников музея – Калмыковой, Кругловой, Николаевой, Белобровой в первой половине 1960-х годов были опубликованы в известных периодических изданиях Москвы и Ленинграда¹²⁵.

Но в 1961 г. музею было отказано в бумаге, и издание его трудов в виде книг и сборников прекратилось на несколько лет, хотя Н.А. Маясова, Т.В. Николаева, Т.Н. Кедрова, Е.Н. Клитина, О.А. Белоброва, Г.И. Вздорнов подготовили к изданию десятки статей¹²⁶.

Реставрационные работы в послевоенные годы продолжал проводить Стройучасток, с 1948 г. реорганизованный в Республиканскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую, которая была передана в ведение Управления архитектуры. Ее руководитель И.В. Трофимов разработал проект восстановления гульбища Трапезной, осуществленный в 1948 г. Однако отношения музея с руководством Стройучастка испортились: музей был недоволен независимостью Трофимова, считал, что тот недостаточно занимается жилыми корпусами, водопроводом и электроосвещением, а также не помогает при создании новых экспозиций¹²⁷. В то же время Стройучасток испытывал большой недостаток в строительных материалах, так что работы несколько раз надолго прекращались¹²⁸. И Трофимов в 1950 г. вынужден был уйти. Дела с реставрацией от этого не улучшились. Комитет считал, что дирекция музея не уделяет должного внимания охране памятников архитектуры. А Патриархия проводила реставрационные работы, не согласовывая их музеем¹²⁹.

В 1951 г. при проверке оказалось, что в аварийном состоянии находятся Бондарные палаты – образец хозяйственной постройки XVII в., обрушилась часть стены, в арках Успенских ворот большие трещины, Водяная башня залита водой, так как музей вырыл близ этой башни яму для помоев, и т.д.¹³⁰ В ближайшие годы положение с состоянием архитектурных памятников не изменилось. Намеченные планы реставрации систематически не выполнялись, территория оставалась захлавленной, застроенной сараями, свинарниками и курятниками¹³¹. Только в 1957 г., к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, был проведен ряд ремонтных работ и

приведена в порядок территория. К 1962 г. из Лавры были, наконец, выселены все жители¹³².

С 1950 г. В.И. Балдин возглавил работу подготовки комплексного плана-проекта по исследованию и реставрации памятников архитектуры Лавры. В первой половине 1960-х годов были закончены работы по Смоленской церкви, Больничным палатам и Духовской церкви¹³³.

До 1948 г. в музее существовала реставрационная мастерская по древнерусской живописи и тканям в качестве филиала ГЦХРМ¹³⁴. Над иконами работал Н.А. Баранов, а над шитьем А.Д. Меркулова. С 1949 г. иконы стали отправлять в ГЦХРМ в Москву, а шитьем по-прежнему занимались в помещении музея. По договорам с музеем художник П.И. Нерадовский реставрировал портреты XVIII в., а мебель – краснодеревщик А.Н. Алехин. Художник Ф.А. Модоров вел работы по расчистке и укреплению фресок в куполе Троицкого собора¹³⁵. Однако объем всех этих работ был незначителен по сравнению с потребностями музея.

На просветительскую деятельность в рассматриваемый период обращали исключительно большое внимание. Еще в 1948 г. в музее было организовано методическое бюро¹³⁶. В 1951 г. Комитет приказал обеспечить создание методических пособий к экскурсиям и вести систематический контроль за содержанием и качеством всей научной пропаганды¹³⁷. Экскурсии приходилось разрабатывать таким образом, чтобы они удовлетворяли требованиям горкома партии¹³⁸. В 1955 г. экскурсионная работа согласно указаниям Комитета стала считаться основной, и ее разрешалось проводить за счет другой деятельности¹³⁹. С целью популяризации музея по учреждениям Москвы и области распространяли афиши, публиковали объявления в «Вечерней Москве» и в местной газете, давали информацию на местном радио, устанавливали рекламные щиты, проводили работу с учителями и пионервожатыми, заключали договоры с домами отдыха, расположенными по Ярославской дороге. С 1947 по 1963 г.

число посетителей выросло в 3,5 раза, а экскурсий в 2,5 раза (в 1963 г. 120758 посетителей и 2599 экскурсий)¹⁴⁰.

Деятельность музея была сильнейшим образом идеологизирована. В этом сказался не только дух эпохи, но и само место музея, находившегося в Лавре. Идеологией была пронизана не только просветительская и экспозиционная работа, но и научная. Как уже сказано выше, приходилось откликаться на кампании по борьбе с низкопоклонством перед Западом, по борьбе с формализмом в искусстве. Всегда оставалось требование антирелигиозной пропаганды, хотя интенсивность ее менялась. В послевоенное время, когда монастырь и музей стали существовать на одной территории, возникли вопросы, как же в этих условиях вести антирелигиозную пропаганду. На одном из совещаний научных сотрудников директор объявил, что экскурсовод является политагитатором, и разъяснил, что сведения, касающиеся монастыря и Церкви, должны сообщаться только в порядке ответов на вопросы, так как Церковь отделена от государства. А сотрудники в своих выступлениях призывали не идеализировать монастырь, не преувеличивать роль Сергия, Пересвета, и Осляби¹⁴¹. Можно сказать, что в то время отношение музея к Церкви было лояльным. Но уже в 1948 г. были приняты меры по усилению антирелигиозной составляющей экспозиции искусства XVIII в.: был привлечен дополнительный материал светского характера из ГИМ, что, как полагали, скрадывало культовое назначение экспонатов. Была также произведена реэкспозиция отдела древнерусского искусства: часть культовых предметов, принадлежавших Сергию Радонежскому, была изъята¹⁴². В дальнейшем Главизо было выдвинуто требование исключить из экспозиции митру митрополита Платона, плащаницу, кадило, оклады евангелий и т.п.¹⁴³

В 1950 г. после обследования музея горкомом партии снова остро встал вопрос об антирелигиозной пропаганде. Было предложено создать экспозицию по истории монастыря, отразив его роль как феодала¹⁴⁴. Это выполнили в 1952 г.: открыли второй зал экспозиции «Монастырь-крепость»,

где показали эксплуататорскую роль монастыря и антифеодальные движения XVII в. (карты вотчинных владений монастыря, крестьянских восстаний, документы и т.п.)¹⁴⁵.

После прихода к власти Н.С. Хрущева вышло постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». И работу музея в этом направлении снова сочли недостаточной. Были даны рекомендации: в экскурсиях никаких справок о монастыре не давать, на вопросы типа: «Где брать святую воду?» отвечать: «Не знаю»¹⁴⁶. На совещании научных работников предложили «разоблачать мертвящую роль церковного канона, мешавшего развернуть мастерам свои дарования», на примере покровов Сергия «вскрывать борьбу реалистических тенденций в русском искусстве», разоблачать легенду о монашеском аскетизме, «усилить моменты народности в искусстве» и т.д. Было откровенно решено обратиться к довоенным материалам, дополнить ими экспозицию, чтобы усилить разоблачение монастыря как феодала-эксплуататора¹⁴⁷. Очередной всплеск атеистической пропаганды пришелся на 1961–1962 гг. В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд партии, на котором Хрущев потребовал организации атеистической пропаганды среди всего населения страны, в том числе среди верующих, и обещал как музейную редкость показать по телевидению «последнего советского попа»¹⁴⁸.

В это время были внесены изменения в методическое руководство по обзорной экскурсии, усиливающие атеистическую направленность¹⁴⁹. Со всеми сотрудниками были проведены занятия на тему «Реакционная сущность Троице-Сергиевой лавры». Многие сотрудники приняли участие в работе Университета атеизма, в городских атеистических мероприятиях, устраивали и аналогичные выставки. В 1962 г. был организован музейный кинолекторий по научному атеизму. Пересняли на узкую пленку кинофильм «Вскрытие мощей Сергия», завели альбом вырезок из журналов и газет на атеистические темы и постоянно его пополняли¹⁵⁰.

Все это вынудило музей снова менять научную тематику и содержание лекций, а также вносить изменения в экспозиции. Так, по решению горкома партии была произведена реэкспозиция исторического отдела с целью расширения хронологических рамок и показа реакционной и эксплуататорской роли Лавры от ее основания до 1920 г. На 1963 г. были поставлены в план такие темы, как «Реакционная деятельность Троице-Сергиевой лавры и митрополита Филарета в период восстания декабристов и реформы 1961 года», «Реакционная деятельность Троице-Сергиевой лавры в период революций 1905–1917 годов». Из 112 лекций, прочитанных сотрудниками музея в 1962 г., 70 были атеистическими. Руководители музея дважды ездили в это время в Ленинград, в Музей истории религии и атеизма для ознакомления с опытом работы. Впервые у музея потребовали отдельный отчет по атеистической работе за 1962 г.¹⁵¹

Период 1946–1965 гг. в жизни музея был достаточно сложным. В конце 1940 – начале 1950-х годов музей пережил кризис как вследствие сложившейся в нем нездоровой обстановки, так и благодаря передаче его в ведение союзного Комитета по делам искусств. Последнее привело к тому, что музей попал под формально-бюрократическое руководство, приведшее к дезорганизации работы. В такое положение свою долю внесла и бесплановая передача зданий Патриархии, и частая смена руководящих кадров. Была закрыта часть экспозиций, замерла научная работа, ушли многие сотрудники. Реставрационные работы по архитектурным памятникам также почти прекратились. Положительным в этот период было то, что под нажимом союзного Комитета была приведена в порядок инвентаризация фондов. Но большое количество сил и времени было потрачено на бесконечные реэкспозиции, связанные как с перемещением экспонатов вследствие передачи помещений Патриархии, так и с кампаниями по борьбе с космополитизмом и формализмом, с усилением требований по антирелигиозной пропаганде. Силы и время также были растрочены на

подготовку лекций, в основном не связанных с основной деятельностью музея, и создание передвижных атеистических выставок.

С середины 1950-х годов начался период, который можно назвать периодом расцвета. Молодые энергичные новые сотрудники развернули большую работу во всех отделах. Исключительно плодотворной была работа в ОНХТ. О.В. Круглова и Л.Э. Калмыкова вели активную экспедиционную и выставочную деятельность, благодаря чему коллекции были существенно пополнены произведениями народного творчества и изделиями художественных промыслов. Проводились конференции по народному искусству, а также ежегодно открывали выставки местных художников.

Благодаря приходу в музей Т.В. Николаевой впервые стали вестись систематические наблюдения за земляными и строительными работами на территории Лавры и была открыта археологическая экспозиция.

Значительно пополнились коллекции музея в первой половине 1960-х годов благодаря экспедициям по обследованию церкви.

Нужно также отметить возобновление издательской деятельности в 1950–1960-е годы.

Большим достижением было выселение за пределы древних монастырских стен всех посторонних предприятий, а также жильцов, благодаря тому, что на средства Лавры для них были выстроены дома в городе. В 1950-е годы в музее провели, наконец, центральное отопление. В первой половине 1960-х годов был достигнут ряд успехов в реставрации архитектурных памятников.

Сотрудники музея вынуждены были работать, постоянно испытывая сильный идеологический прессинг. И большой их заслугой является то, что в таких условиях, часто ценой героических усилий, они смогли многое сделать.

- ¹ *Смирнова Т.В.* Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928–1941 // Труды ГИМ. 2005. Вып. 149. С. 414–429.
- ² Архив СПМЗ. ОК. Приказы от 25.06.41 и 04.07.41. Еще до начала войны в Музее объявлялись учебные воздушные тревоги (Приказы от 04. 04.41 и 15. 05. 41).
- ³ Там же. ОК. Приказ от 08.08.41.
- ⁴ Там же. Инв. НА–65. *Виноградов Н.Д., Зубов В.П.* Отчет о реставрационно-восстановительных работах Загорского музея в 1941 г. Л.1.
- ⁵ Архив СПМЗ. ОК. Приказы от 23. 06. 41 и 24. 06. 41.
- ⁶ Там же. Д. 2/62. Л. 2, 3, 22, 31, 39–41, 63.
- ⁷ Там же. Д. 2/65. Л. 7–8, 10, 14, 18; 2/67. Л.2–2 об; ОК. Приказ от 12. 11. 42.
- ⁸ Там же. Д. 2/57. Л.17–20, 24–28 об.
- ⁹ Там же. Д. 2/57. Л. 21–23.
- ¹⁰ Там же. НА–1/86. Л.1,2;1/89. Л.3.
- ¹¹ Там же. НА–1/87. Л. 2; 1/88. Л.7; 1/90. Л. 3.
- ¹² Там же. НА–1/87. Л. 2 об.–3, 5.
- ¹³ Архив СПМЗ. НА–1/100. Л. 4; 1/96. Л. 60–66; Инв. НА–89. *Шафранова В.Н.* Примерная классификация типов орнаментированных тканей (шелк, парча) и перспективный обзор материалов о тканях XIX века (по коллекциям быв. Троице-Сергиевой лавры и Музея НХР).
- ¹⁴ Архив СПМЗ. НА–1/97. Л. 5–8; 1/121. Л. 6/№.
- ¹⁵ Там же. НА–1/86. Л.6,7; 1/90. Л.4; 1/106. Л.13 об., 16 об.
- ¹⁶ Там же. Инв. НА–71. *Ильин М.А.* Духовская церковь. Машинопись; Инв. НА–72. *Он же.* Старая трапезная. Машинопись. 1944 г.
- ¹⁷ Архив СПМЗ. Инв. НА–46, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 158, 159, 160. *Зубов Василий Павлович* (1900–1973), доктор искусствоведения, историк науки, автор трудов по истории архитектуры, искусства и пр.; привлечен к работам по реставрации Лавры (1938–1950), ученый секретарь постоянной комиссии по реставрации ЗМЗ (1940–1941).
- ¹⁸ Архив СПМЗ. Инв. НА–65. *Виноградов Н.Д., Зубов В.П.* Отчет о реставрационно-восстановительных работах в ЗМЗ. Л. 1–9.
- ¹⁹ *Виноградов Николай Дмитриевич* (1885–1980), архитектор, возглавлял Комиссию Моссовета по охране памятников, занимался реставрацией архитектурных памятников с 1924 г., работал в Музее архитектуры (1937–1941). С 1939 г. был в числе специалистов, консультировавших работы в Лавре. Автор книги «Троице-Сергиева лавра» (М., 1944).
- ²⁰ Архив СПМЗ. Инв. НА–66. Рапорт о произведенных на 01.12. 44 г. реставрационно-восстановительных работах в Загорском музее-заповеднике. Л.1–1 об. Акт от 15. 11. 44. Л. 2–22. Варварское и кощунственное отношение местного населения к закрытой Лавре отмечалось и раньше. Так, *Леонид Леонов* писал, как весной 1926 г. он с *Ю.А. Олсуфьевым* вышел из Троицкого собора и увидел такую картину. «Там, снаружи, справа от алтаря, у южной, видимо, стороны – она запомнилась мне на всю жизнь. Острый запах подсказал заранее, что здесь мочились прохожие – судя по верхним зеленоватым потекам, иные достигали рекордной высоты. (В Загорске живут все больше русские.) Как раз по ту сторону запоганенной стенки находилась рака Сергия. В натекшей луже, коленями в самую талую смердь, молилась рослая, очень строгая, не иначе как мать детей, женщина как раз из посторонних; она вовсе не заметила нас, мы тоже понеслышной скользнули

мимо, не обмолвившись ни словом» (*Леонов Л.* Из записной книжки // *НН.* 2001. № 58, С.103).

²¹ *Закс А.Б.* Речь А.В. Луначарского на конференции по делам музеев // *АЕ* за 1976 г. М., 1977. С. 213.

²² Архив СПМЗ. Инв. НА–66. Рапорт начальнику Управления по делам искусств при СНК РСФСР Н.Н. Беспалову. Л. 4.

²³ Баранов Иван Андреевич (1889–1971), художник-реставратор, работал в ГТГ (1930–1963). Брат реставратора Николая Андреевича Баранова.

²⁴ Архив СПМЗ. Инв. НА–66. Рапорт. Л. 12–13.

²⁵ Архив СПМЗ. Инв. НА–66. Протокол заседания Гос. Комиссии Главного управления по охране памятников Комитета по делам архитектуры при СНК СССР от 5. 11. 1944 г. Л. 5.

²⁶ Архив СПМЗ. НА–1/134. Л. 44.

²⁷ Там же. Инв. НА–70. Археологические раскопки, проведенные на территории Троице-Сергиевой лавры в 1942 г. Л.1–18.

²⁸ Архив СПМЗ. НА–1/108. Л.13.

²⁹ Там же. НА–1/106. Л.12.

³⁰ Там же. Д. 2/82. Л.1–2 об.; 2/65. Л.11, 12; Инв. НА–1/72а. Л.5.

³¹ Директор музея И.З. Птицын, сопровождавший ценности в эвакуацию, был призван в армию и вскоре погиб в бою. З.Я. Швагер была и.о. директора, потом директором музея-заповедника (1941–1943), затем заведующей ОНХР (1944–1945).

³² Архив СПМЗ. НА–1/95. Л.10–15 об.; 1/100. Л. 4.

³³ Там же. НА–1/121. Л. 1. «Шаг на месте (о двух музеях)» // газета «Вперед» от 04.12.1943 г.

³⁴ Архив СПМЗ. ОК. Приказы от 02. 03. 44 г. и 12. 04. 44 г.; Инв. 2/72. Л.1–2, 56–124; 2/82. Л. 3.

³⁵ Там же. Инв. НА–5. Воспоминания о кустарных промыслах Загорска. 1902–1913.

³⁶ Архив СПМЗ. НА–1/86. Л. 4; 1/89. Л. 4.

³⁷ Там же. НА–1/90. Л. 3а.

³⁸ Там же. Д. 2/72. Л.1–2, 14–14 об.; 2/82. Л.1–3.

³⁹ Там же. Д. 2/74. Л.33–33 об.

⁴⁰ Там же. Д. 2/76. Л.104–112; 2/80. Л.10–22.

⁴¹ Там же. Д. 2/81. Л. 50, 79–81 об., 90–97; 1/134. Л. 45–46.

⁴² Там же. Д. 2/70. Л. 1–5, 11; 2/73. Л. 6; 2/74. Л. 29; 2/66. Л. 2.

⁴³ Там же. НА–1/106. Л. 13.

⁴⁴ Там же. НА–1/110. Л. 1.

⁴⁵ Там же. НА–1/110. Л. 9.

⁴⁶ Там же. НА–1/122. Л. 7–8.

⁴⁷ Там же. НА–1/118. Л. 2–4; 1/119. Л. 12.

⁴⁸ Там же. НА–1/103. Л. 3–3 об.; 1/134. Л. 37–38.

⁴⁹ Там же. Инв. НА–35. *Белицер В.Н.* Народное творчество башкир. 1944; Инв. НА–36; *Она же.* Узорное тканье и вышивка удмуртов. 1944; Инв. НА–8. *Грушевская Т.Н.* Народная резная игрушка деревни Богородской. 1941; Инв. НА–9; *Она же.* Богородские мастера. (Б. д.); Инв. НА–10; *Она же.* Биографии богородских мастеров. 1943; Инв. НА–12; *Она же.* Описание сказок богородского резчика Ерошкина Н.А. 1943–1944; Инв. НА–26.

Зверева Л.Н. Орнамент и техника вышивки русских районов РСФСР. 1941; Инв. НА–29. *Маслова Г.С.* Собрание художественного текстиля МНХР. 1941; Инв. НА–30; *Она же.* Вышивка Каргопольщины. 1945; Инв. НА–24. *Можсаева Е.М.* Опыт сравнения форм глиняных коней МНХР. 1942; Инв. НА–25; *Она же.* Описание украинских, каргопольских, дымковских глиняных игрушек МНХР. 1942–1943; Инв. НА–79. *Деньшин А.И.* Дымковская народная глиняная игрушка. 1945.

⁵⁰ Архив СПМЗ. Инв. НА–79. *Курбатова А.М.* Защита Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских интервентов в 1608–1610 гг.; *Она же.* Хозяйство Троице-Сергиева монастыря в XV–XVIII вв. (работа не сохранилась). Л. 33. Инв. НА–112; *Лебедева Ю.А.* Древнерусское искусство и культура XV–XVII вв. (путеводитель по экспозиции Загорского музея). Инв. НА–49; *Зубов В.П.* Архитектурные памятники Троице-Сергиевой лавры (Опубл. в Троицком сборнике 2002. № 2. С. 372–408).

⁵¹ Архив СПМЗ. НА–1/110. Л. 13; 1/90. Л. 7; 1/134. Л. 41.

⁵² Там же. НА–1/89. Л. 7–8.

⁵³ Там же. НА–1/96. Л. 1–3 об.

⁵⁴ Там же. НА–1/114. Л. 4–7 об.

⁵⁵ Там же. НА–1/104. Л. 1–2.

⁵⁶ Там же. НА–1/107. Л. Л.2–4, 13; 1/103. Л. 6; 1/106. Л.18.

⁵⁷ Русская Православная Церковь в советское время. М., 1995. Кн.1. С. 365.

⁵⁸ Архив СПМЗ. Д. 2/73. Л.1–2.

⁵⁹ Там же. Д. 2/77. Л.1–8, 12, 18–32; 1/116. Л.8–8 об., 14, 20, 49.

⁶⁰ Там же. НА–1/134. Л. 7; 1/122. Л. 4.

⁶¹ Там же. НА–1/122. Л. 12.

⁶² Там же. НА–1/113. Л. 5–8.

⁶³ Там же. НА–1/120. Л. 2, 18,68; 1/122. Л.4.

⁶⁴ Там же. НА–1/117. Л. 8–10.

⁶⁵ Там же. НА–1/120. Л. 80–81.

⁶⁶ Там же. НА–1/116. Л. 51–73.

⁶⁷ Там же. НА–1/117. Л. 37.

⁶⁸ Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. Краткий путеводитель / Сост. Ю.А. Лебедева. Загорск, 1947.

⁶⁹ Архив СПМЗ. НА–1/139. Л. 6; 1/149. Л. 9а.

⁷⁰ Там же. НА–1/146. Л. 16.

⁷¹ Там же. НА–1/134. Л.7; 1/127. Л. 11а.

⁷² Там же. НА–1/139. Л. 8–15, 19–19 об.

⁷³ Там же. НА–1/146. Л. 9.

⁷⁴ Там же. НА–1/137. Л. 1–3, 11–13.

⁷⁵ Там же. НА–1/146. Л. 1.

⁷⁶ Там же. НА–1/147. Л. 22, 24, 36.

⁷⁷ Там же. НА–1/146. Л. 7–8.

⁷⁸ Там же. НА–1/146. Л. 14–16.

⁷⁹ Там же. НА–1/155. Л. 60; 1/149. Л. 17.

⁸⁰ Там же. НА–1/155. Л. 37–40.

⁸¹ Там же. НА–1/155. Л. 41–45.

-
- ⁸² Там же. НА–1/139. Л. 14.
- ⁸³ Там же. НА–1/155. Л. 4.
- ⁸⁴ Там же. НА–1/167. Л. 37.
- ⁸⁵ Там же. НА–1/167. Л. 9а.
- ⁸⁶ Там же. НА–1/164. Л. 14.
- ⁸⁷ Там же. НА–1/178. Л. 44.
- ⁸⁸ Там же. НА–1/178. Л.21–22.
- ⁸⁹ Там же. НА–1/185. Л. 21.
- ⁹⁰ Там же. НА–1/181. Л. 42.
- ⁹¹ Там же. НА–1/194. Л. 19–22.
- ⁹² Там же. НА–1/153. Л.2.
- ⁹³ Там же. НА–1/152. Л. 6; 1/158. Л. 3; 1/156. Л. 18,19.
- ⁹⁴ Там же. НА–1/152. Л. 5.
- ⁹⁵ Там же. НА–1/125. Л. 16–19, 31.
- ⁹⁶ Там же. НА–1/140. Л. 1–4; 1/151. Л. 1–4, 14..
- ⁹⁷ Там же. НА–1/164. Л. 1 об., 18 об., 19 об., 20–21.
- ⁹⁸ Там же. НА–1/169. Л. 9.
- ⁹⁹ Там же. НА–1/156. Л.18, 19; 1/155. Л. 4.
- ¹⁰⁰ Там же. НА–1/149. Л. 6–7.
- ¹⁰¹ Там же. НА–1/134. Л. 10.
- ¹⁰² Там же. НА–1/156. Л. 19.
- ¹⁰³ Там же. НА–1/197. Л. 1.
- ¹⁰⁴ Там же. НА–1/128. Л. 48.
- ¹⁰⁵ Там же. НА–1/177. Л. 33; 1/185. Л. 11, 15; 1/184. Л. 13; 1/194. Л.6–7; 1/120. Л. 6; 1/207. Л. 10.; 1/215. Л. 10; 1/222. Л. 6; 1/229. Л. 9, 16; 1/242. Л. 5, 6, 13, 21; 1/254. Л. 12, 15.
- ¹⁰⁶ *Шкаровский М.В.* Русская православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 385.
- ¹⁰⁷ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 11, 36–37; 1/248. Л. 6–8; 1/254. Л. 2, 16, 17, 19.
- ¹⁰⁸ Там же. НА–1/178. Л. 5–6; 1/185. Л. 9–10; 1/194. Л. 5, 11; 1/201. Л. 7, 8, 10; 1/204. Л. 3; 1/207. Л. 9; 1/215. Л. 10–12; 1/222. Л. 7; 1/229. Л. 10, 19; 1/235. Л. 8, 11; 1/242. Л. 10–12; 1/248. Л.5; 1/254. Л.10.
- ¹⁰⁹ Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. Краткие сообщения. Загорск, 1955. Вып. 1. С. 21–22.
- ¹¹⁰ Архив СПМЗ. НА–1/178. Л. 6; 1/222. Л. 7.
- ¹¹¹ Там же. НА–1/232. Л. 31; 1/198. Л. 1–6.
- ¹¹² Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. Путеводитель / Сост. Н.А. Маясова, Т.В. Николаева, И.И. Бурейченко, О.Н. Есипова, О.В. Круглова. М., 1956.
- ¹¹³ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 5; 1/254. Л. 12.
- ¹¹⁴ Там же. НА–1/178. Л. 12–13; 1/185. Л. 15; 1/194. Л. 10; 1/207. Л. 14; 1/215. Л. 16; 1/242. Л. 21.
- ¹¹⁵ Там же. НА–1/194. Л. 11; 1/222. Л. 14.
- ¹¹⁶ Там же. НА–1/185. Л. 13; 1/194. Л. 11; 1/201. Л. 12; 1/207. Л. 15.

- ¹¹⁷ Там же. НА–1/178. Л. 11–12; 1/185. Л. 15; 1/194. Л. 11; 1/201. Л. 13; 1/215. Л. 16; 1/248. Л. 4; 1/254. Л. 11. *Круглова О.В.* Каталог экспозиции русского народного творчества Загорского музея-заповедника. Загорск, 1957.
- ¹¹⁸ Архив СПМЗ. Инв. НА–1/156. Л. 17; 1/178; Л. 13–14; 1/173. Л. 52–53; 1/185. Л. 16; 1/194. Л. 11, 15; 1/197. Л. 13, 16; 1/215. Л. 1; 1/222. Л. 14; 1/235. Л. 16; 1/242. Л. 22–23; 1/254. Л. 12.
- ¹¹⁹ *Калмыкова Л.Э.* Каталог выставки старейших художников. Загорск, 1959.
- ¹²⁰ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 22; 1/248. Л. 16; 1/254. Л. 12.
- ¹²¹ Там же. НА–1/176. Л. 1–21.
- ¹²² Там же. НА–1/169. Л. 10; 1/178. Л. 5, 9, 19; 1/185. Л. 18, 19; 1/242. Л. 4.
- ¹²³ *Николаева Т.В.* Народная защита крепости Троице-Сергиева монастыря 1608–1610 годов. М., 1954; *Она же.* Древнерусская мелкая пластика XI–XVI веков из собрания ЗМЗ. М., 1968; *Круглова О.В.* Владимир Иванович Соколов. М., 1958.
- ¹²⁴ *Трофимов И.В.* Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры: Исследования и реставрация. М., 1961; *Балдин В.И.* Троице-Сергиева лавра. М., 1958; *Он же.* Загорск. М., 1958.
- ¹²⁵ *Калмыкова Л.Э.* Кружевница Анна Гужавина // ДИ. 1958. № 10; *Она же.* Узорная береста // ДИ. 1960. № 3; *Круглова О.В.* Северодвинские находки // Там же. С. 33–35; *Она же.* Мезенская роспись по дереву // СЭ. 1964. № 3; *Николаева Т.В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // СА. 1957. № 1; *Она же.* О некоторых надгробиях XV–XVI веков в Загорском музее-заповеднике // СА. 1958. № 3; *Белоброва О.А.* К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРЛ. М.-Л., 1958. Т. 15; *Она же.* Автограф Дионисия Зобнинского // Там же. М.-Л., 1961. Т. 17.
- ¹²⁶ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 6.
- ¹²⁷ Там же. НА–1/136. Л. 13–15; 1/155. Л. 46.
- ¹²⁸ Там же. НА–1/156. Л. 25.
- ¹²⁹ Там же. НА–1/139. Л. 1; 1/146. Л. 8; 1/150. Л. 13.
- ¹³⁰ Там же. НА–1/168. Л. 36–39.
- ¹³¹ Там же. НА–1/167. Л. 7а; 1/168. Л. 17–18; 1/180. Л. 15; 1/181. Л. 12–13, 42, 44; 1/183. Л. 59; 1/204. Л. 1; 1/215. Л. 4.
- ¹³² Там же. НА–1/215. Л. 1. *Матюшин С.* Лаврские дома // Вперед (газета Сергиево-Посадского района) от 4 августа 2001 г.
- ¹³³ Архив СПМЗ. НА–1/232. Л. 36–37.
- ¹³⁴ Там же. НА–1/146. Л. 22.
- ¹³⁵ Там же. НА–1/134. Л. 11–12; 1/136. Л. 8; 1/152. Л. 3; 1/156. Л. 22.
- ¹³⁶ Там же. НА–1/142. Л. 7.
- ¹³⁷ Там же. НА–1/167. Л. 9а.
- ¹³⁸ Там же. НА–1/173. Л. 7–8.
- ¹³⁹ Там же. НА–1/198. Л. 30.
- ¹⁴⁰ Там же. НА–1/134. Л. 9; 1/142. Л. 11–12; 1/169. Л. 14; 1/252. Л. 7.
- ¹⁴¹ Там же. НА–1/127. Л. 35–40.
- ¹⁴² Там же. НА–1/142. Л. 9.
- ¹⁴³ Там же. НА–1/155. Л. 60.
- ¹⁴⁴ Там же. НА–1/155. Л. 35.

---

¹⁴⁵ Там же. НА–1/178. Л. 12.

¹⁴⁶ Там же. Инв. НА–188. Л. 31.

¹⁴⁷ Там же. НА–188. Л. 66–72.

¹⁴⁸ Цит. по: *Шкаровский М.В.* Русская православная Церковь... С. 378, 382.

¹⁴⁹ Архив СПМЗ. НА–1/235. Л. 20; 1/242. Л. 4, 21, 26.

¹⁵⁰ Там же. НА–1/248. Л. 16, 18, 22, 37, 40; 1/260. Л. 5–7.

¹⁵¹ Там же. НА–1/242. Л. 12; 1/248. Л. 37; 1/254. Л. 14, 22.

Опубл.: Труды ГИМ. Забелинские научные чтения. 2017. Вып. 204. С. 490–530.